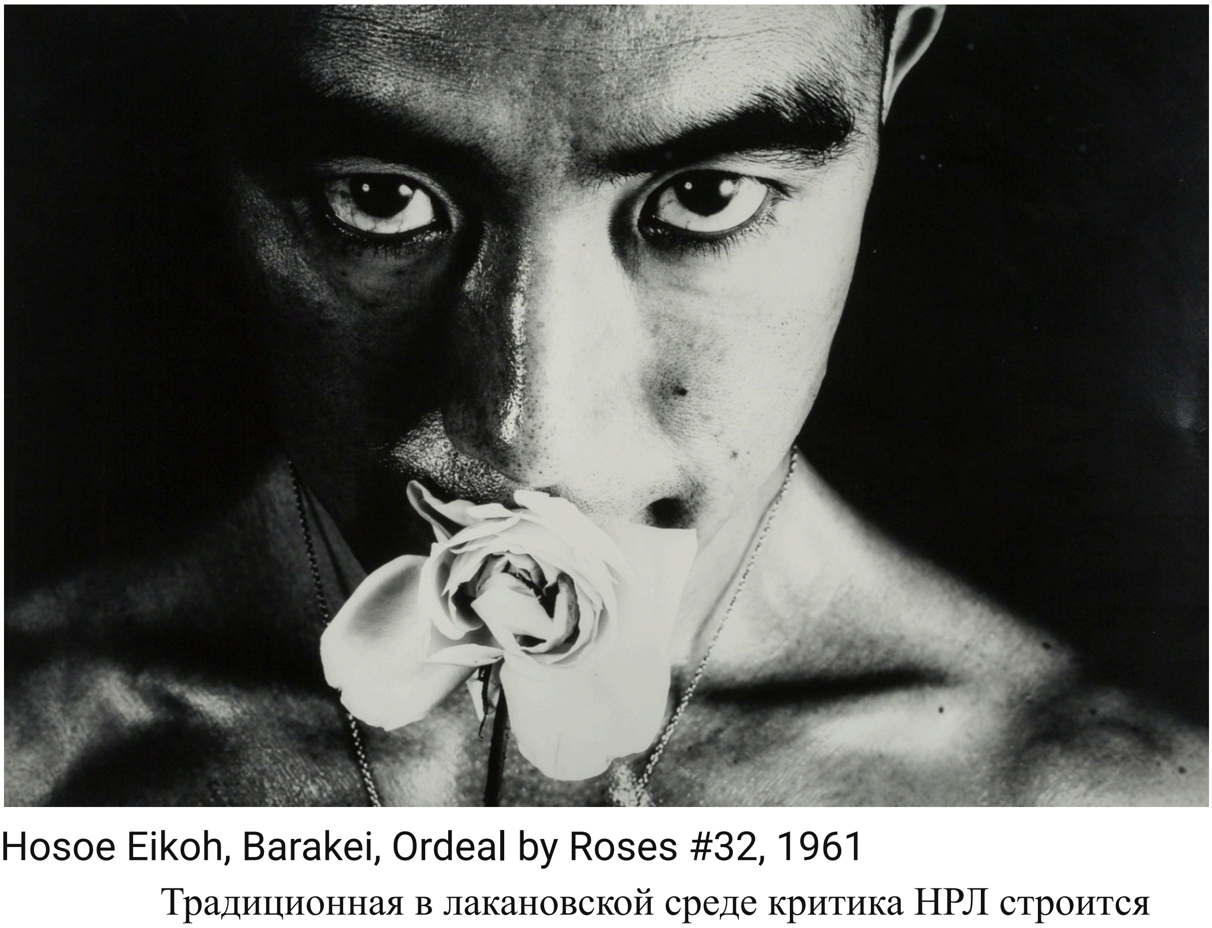
Вслед за максимальной популяризацией диагноза Нарциссического расстройства личности в поп-психологии, закономерно последовала волна критики, направленная на гипердиагностику и вычурную демонизацию данного РЛ. Треволнения вокруг, т.н. нарциссов не оставили равнодушными и аналитическое сообщество, в том числе, ориентированное Лаканом. Однако, если пси-практики скорее склонны выступать против дегуманизации и феминистски-ориентированной идеологизации нарциссов (так, практически любой не слишком галантный в своих отправлениях влечений мужчина легко может быть паталогизирован и заклеймен как опасный психопат, по аналогии с диссидентами-вялотекущими шизофрениками в СССР), лаканисты обходятся с неугодной нозологической единицей образом весьма оригинальным.



Hosoe Eikoh, Barakei, Ordeal by Roses #32, 1961

Традиционная в лакановской среде критика НРЛ строится примерно следующим образом: сперва дается разъяснение

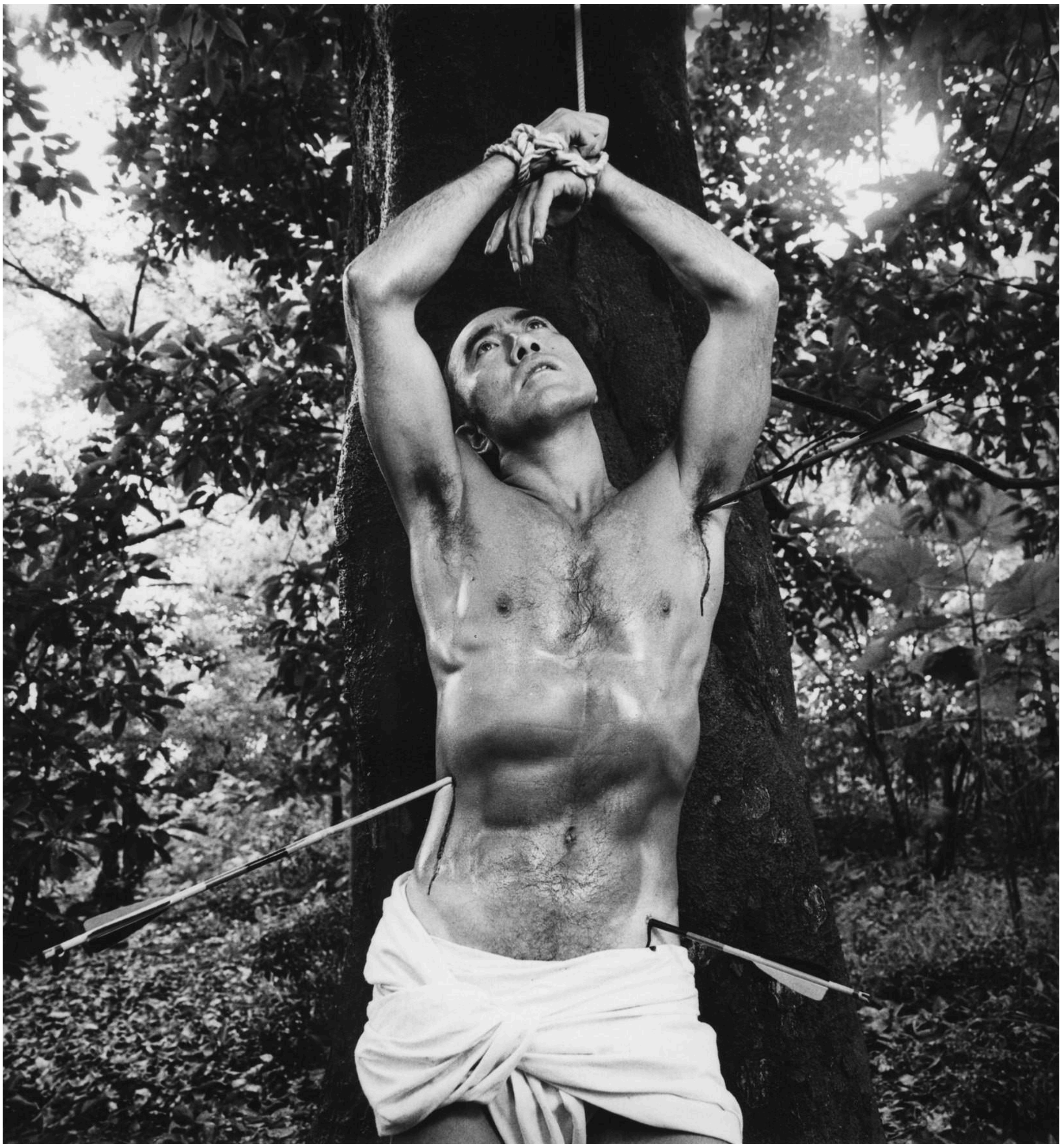
классического определения нарциссизма с ссылкой на статью Фрейда “О нарцизме” — существует общий, нормативный для всех людей нарциссизм между аутоэротизмом и объект-либидо. Существует и вторичный нарциссизм с отходом либидо от объектов и катексисом собственного Я, как это происходит в клинике психозов. Из этого делается вывод о несуществовании НРЛ как клинической единицы. К счастью, иногда в скобках прибавляется, что в психоанализе *не принято* говорить о нарциссизме в том смысле, в котором о нем говорится в психологии или психиатрии.

Таким образом то, что должно было выступить в роли критического замечания, де-факто представляет собой скорее механизм отбрасывания, описанный Лаканом. Нечто несимволизированное в рамках избранной теории признается несуществующим и игнорируется — ход в большей степени идеологический, нежели аналитический. Этот и подобные ему приемы редуцируют психоанализ до идеологии, адепты которой придерживаются охранительной политики “лаканизма”. Тем не менее, несмотря на то, что в оставленных Лаканом 26-ти скрижалях, напрямую не говорится о НРЛ (по крайней мере так вульгарно как это делает поп-психология) — мы можем обнаружить, что этот феномен проходит под ведомством одной из трех психических структур.

Подойдем к вопросу через рассмотрение динамики в отношениях нарцисса и его любовного партнера (так или иначе, его Другого), превратности которой давно стали притчей во языцех. Первый такт в драме, которую в психологии принято называть последовательностью идеализации-обесценивания, напоминает нечто, что можно охарактеризовать как воспитание Госпожи. Воспитание Госпожи вполне в духе Захер-Мазоха: Северин не искал

женщины, которая изначально обладала бы чертами властности, деспотизма или была бы отмечена перверсивностью. Он взял ту, которую счел очаровательной, и планомерно привил ей необходимый способ мыслить себя и действовать, иными словами поместил в определённую дискурсивную рамку, где она — это всё.

Так, перверт, отрицающий кастрацию материнского Другого, пользуется формулой “да, но”. Да, она не имеет фаллоса, но она его имеет. Просто в другом месте. Например, в виде фетиша-плети, которой орудует Ванда. Хорошо известно, что нарцисс редко избирает в качестве своего партнера другого нарцисса. Так и перверт едва ли способен прельститься другим первертом. Зачастую партнером перверта выступает истерический субъект, в частности из–за склонности последнего отвечать на желание матери способом гетеросексуальным, идентифицируясь с отцом. Идентификация эта имеет свои последствия — истерик силится наделить свой образ фаллическими знаками отличия будь то трость (вспомним пациентку Фрейда), высокие каблуки или способность обращаться с оружием. Подобные знаки отличия помогают перверту определить в условной истеричке ту самую, якобы некастрированную женщину, наделить её вящим достоинством, сделать полноправной хозяйкой положения. Говоря о нарциссической идеализации, нередко забывают отметить насколько беспомощным, послушным и униженным готов выступить нарцисс в своем обращении с партнером в этот период.



Kishin Shinoyama, Yukio Mishima as St. Sebastian, 1968

Второй такт драмы находит своё отражение в обращении Северина с “хорошей маленькой женщиной”, которую следует дрессировать должным образом — либо ты молот, либо наковальня. По большому счету крестьянка Северина и Ванда — суть один персонаж, разбитый на две ипостаси в целях сугубо художественных. Нарцисс-перверт в своем любовном хозяйстве вполне способен обойтись одной, что и вызывает священный ужас общественности, поскольку если бы, подобно Северину, нарцисс обращался с одной

женщиной скорее садистически, с другой же наоборот — это можно было бы понять, объяснить констелляцией желания самой возлюбленной или приобретенным субъектом вследствие слишком интенсивной любовной идеализации травматическим опытом. Условное же зло, чинимое нарциссом по отношению к партнеру, предстает как нечто нечеловечески жестокое именно в силу его видимой бессмысленности на причинном уровне, отсюда и попытки построения Воображаемых теорий — ничуть не хуже конспирологических — о хладнокровном планировании и желании сломать “жертву” ещё на этапе знакомства. Здесь следует обратиться к 10-му семинару Лакана, где он дает блестящее описание садизма.

“Садистское желание, со всей свойственной ему загадочностью, нацелено прежде всего на то, чтобы вызвать у другого расщепление, диссоциацию, навязывая ему, в определенных пределах, то, что тот не в состоянии вынести, то есть доводя невыносимое ровно до той точки, где возникает разрыв, зияние между его существованием в качестве субъекта, с одной стороны, и тем, что он претерпевает и может вытерпеть, и от чего он, возможно, страдает в теле с другой”.

Садист желает ни столько страдания, впрочем, здесь обходится не без jouissance, сколько тревоги Другого. Он помещает расщепление в Другом (ты — есть не то, что ты есть, ты себе не тождественен), размещая себя по отношению к нему в качестве объекта малое *a*. Клинически достоверный факт заключается в том, что нарцисс склонен действовать неожиданно — в том числе и для себя — в ситуациях, когда его партнер, казалось бы, вот-вот готов испытать что-то вроде счастья: внезапная измена на самом пике романтической привязанности, попытка испортить

праздник или саботировать любое другое значимое событие. Что это как не попытка вызвать тревогу? Также в лакановской перспективе перверт — это в первую очередь тот, кто служит инструментом наслаждения Другого. Раболепствуя перед женщиной, чтобы вернуться к ней с кнутом — не служит ли он (стоит заметить что как в первом, так и во втором такте) её же неудобному наслаждению, которого не надо бы?

Hosoe Eikoh, Ordeal by Roses #16, 1961

Один лишь тот факт, что перверсия в случае т.н. нарциссизма продуцирует наслаждение, не связанное с чем-то, отмеченным телесностью, не должен сбивать с толку. В конце концов, перверсивная позиция — явление сугубо структурное, никак не связанное с перверсивным актом. Известно, что совершать перверсивные акты способен и невротик, и субъект психотический. Подобно тому как психотик может прожить всю свою жизнь, так и не

начав бредить, перверт способен не прибегать к перверсивным актам вообще. Вычурность проявлений перверсии будь то фетишизм, вуайеризм-эксгибиционизм или же упомянутый выше садизм-мазохизм — есть лишь крайняя форма, выраженная на уровне симптома. Однако перверт, демонстрирующий симптомы большей частью психологические — дезориентирует, даже несмотря на то, что и мазохизм, и садизм, и фетишизм, и гомосексуальность (через идентификацию с матерью), так часто подмечаемая исследователями, здесь налицо, пусть и не на экстремальный манер Рихарда Крафт-Эбинга. В конце концов, перверсия — способ отношения к отцовскому закону, но не набор сексуальных практик.

Hosoe Eikoh, Man and Woman #20, 1960

Финальную сцену отношений с нарциссом принято называть утилизацией. Так происходит, когда партнер “сломлен” в достаточной степени: он действует вопреки провозглашенным им же ранее принципам и делается покорным. В этом склонны видеть главную цель злонамеренного сценария. Лакан говорит о том, что перверт стремится разместить себя в роли объекта-темного фетиша на сцене Другого. Подобные замечания свидетельствуют о том, что это ему действительно удается. Однако, не лишним будет попытаться взглянуть на утилизацию в психоаналитической перспективе.

“Страдание в типично садистском сценарии не приводит к уничтожению жертвы, ее полной аннигиляции. Похоже, напротив, что объект пыток неразрушим и призван их выносить бесконечно”.

Здесь следует обратить внимание на слово “бесконечно”: в отличие от невротика, который живет во времени, заданном сугубо Символическими координатами, перверт обитает в пространстве, то есть в чем-то скорее Воображаемом. Лакан концептуализирует фантазм садиста о вечных муках жертвы, по ту сторону смерти, следующим образом — для перверта сущее не может вернуться в небытие, из которого оно вышло. Таким образом, когда партнер перверта оказывается достаточно мертв уже при жизни — фантазм оказывается разрушенным. То, что ищет перверт не должно поддаваться тлению. При этом, бытийствуя вне времени, невозможно помыслить нечто законченным. В частности, взаимоотношения, поэтому он и возвращается, повторяя цикл.

A still from the Mishima short film, The Rite of Love and Death

Психоанализ много говорит о той специфической связи, которая возникает между истериком и обсессивным. Предполагается, что по причине их симметричного расположения в рамках фантазма, где обсессивный занимает место расщепленного субъекта, а истерик место объекта, способно сработать нечто на уровне желания. Вероятно, так оно и есть. Однако, ряд зарубежных публикаций, посвященных паре нарцисс-пограничный, подсказывает, что союз перверта и истерика в матримониальной перспективе, заслуживает если не меньшего внимания, то по крайней мере, чего-то отличного от Verleugnung.